

ОКСАНА ТУМАНОВА

Долго ли живут симулякры: темпоральный регистр российской модернизации

В определенном смысле XIX век
на Западе еще продолжается.
В России он кончился.

И. Бродский. Нобелевская лекция

Время кажется неотделимым от человека, поскольку он живет в пределах пространственно-временной системы координат. Оно моделирует человека как социальное существо, а человек моделирует время. Человеку свойственно чувство времени и его предчувствие. Он является единственным свидетелем времени, а потому всегда возникает соблазн его контролировать. Известно два способа контроля — замыкание времени в цикл и размыкание его в прошлое, настоящее и будущее. В первом случае будущее предсказуемо, во втором — неизвестно. Рубежом, где сменяются формы контроля времени стало Новое время Европы, обосновав идею прогресса, современности и модернизации.

В современной культурной ситуации мы наблюдаем процесс овеществления времени и одновременно его изоляции. Человек оказывается в тисках времени, которое контролирует все процессы жизнедеятельности. С другой стороны, человек опять пытается заключить время в цикл. Модернизация оказывается попыткой взять время под свой контроль. Но что мы контролируем — реальное время или его симулякр?

Термин «симулякр» ввел Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», подразумевая, что симулякр представляет собой сконструированный привлекательный символический по своим характеристикам объект, ориентированный на удовлетворение желаний потребителя. Это ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заменитель.¹

Ж. Бодрийяр исходит из представления структуралистов о глубинных структурах, лежащих в основе парадигмы человеческого существования. По сути, он заимствует представление о знаке как некоем графическом или звуковом образе. Поскольку знак не имеет отношения к референту, т.е. является абсолютно произвольным, Бодрийяру эта установка дает возможность представить знаки как симулякры. В работе «Символический обмен и смерть» он предлагает схему трех уровней существования симулякров в истории, сменяющих друг друга в европейской цивилизации от Возрождения до наших дней: подделка — производство — симуляция. Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на ос-

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 4.

нове рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка — на основе структурного закона ценности.² Поскольку разнородные по «материалу» симулякры обнаруживают глубокие структурные и стадийные сходства, их развитие происходит не как постепенный и неравномерный взаимопереход, а как общая структурная революция — разные сферы общества меняются все вдруг, используя прежнюю форму (знак) как материал для симуляции. На первом этапе знак отражает определенные состояния, на втором — скрывает определенную ситуацию и переходит в область идеологии, на третьем этапе знак скрывает отсутствие реальности, наконец, на последнем этапе знак начинает существовать как самостоятельное целое. Каждая конфигурация знака переосмысливается следующей за ней и попадает в более высокий разряд симулякров. В строй каждой такой новой стадии оказывается интегрирован строй предыдущей фазы — как призрачная, симулятивная соотнесенность. Каждый новый порядок симулякров подчиняет себе предыдущий.

В этой трехчленной схеме можно заметить асимметрию, связанную с неоднородностью объектов, которые становятся «образцами» для симулякров: если подделка (например, имитация дорогих материалов) и производство (изготовление серийных промышленных товаров) касаются материальных вещей, то симуляция применяется скорее к процессам (симуляция поступков, деятельности) или знакам, символам (симуляция болезни и т.п.). Существует также нулевой уровень симуляции — уровень технологии, решений, независимых от системы знаков, символов или реальных объектов. По Бодрийяру, последняя форма симуляции (предыдущие фазы развития симулякров не имели такого обобщающего и вместе с тем специфического для них закона: в самом деле, «естественно — природный» и «рыночный» законы ценности, которыми они управлялись, вообще говоря, равно касались и симулякров, и реальных объектов) регулируется кодом. Код — основная категория структуралистов и семиотиков, позволяющая упорядочить и свести к пространственным формам «безумное» существование темпоральных форм. Таким образом, лежащий в основе социальных отношений символический обмен приобрел глобальный характер пространственно-временной манипуляции.

Однако, здесь сталкиваются два темпоральных механизма обмена: время свободной, неограниченной, хотя и ритмизированной коммуникации — обмена словами, поступками и опять словами, и нулевая темпоральность остановленного времени, зацикленного обмена. А при современном, третьем порядке симулякров образуется еще и третья темпоральность — безразличная, нерелевантная циркуляция симулятивных знаков и символов, очищенных не только от референции реальным объектам, но и от личностной «инвестиции» — ценностного отношения человека к происходящему. Циклическое время тоже оказывается двойственным. С одной стороны, символический обмен разрушает «цикл ценности», с другой стороны, благодаря ему реализуется «обратимость времени — в цикле», и сам он представляет собой «праздник — праздник восстановления цикла, в то время как дефицит порождает линейную экономику длительности; праздник восстановления циклической революции жизни и смерти».³

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 111.

³ Там же. С. 276.

Известно, что циклическое время может иметь различный смысл. В мифологическом «вечном возвращении» оно выражает собой закономерность хода вещей, соединяющей цикличность природы, выражаемую в календарных праздниках, с циклической завершенностью человеческой жизни. В позитивистском толковании оно обусловлено статистической вероятностью: вещи, знаки, символы повторяются наподобие математических комбинаций ограниченного их числа. Наконец, в современной цивилизации оно запрограммировано в структуре информационных систем, работающих по схеме «вопрос – ответ – вопрос». Праздничная цикличность, отвергающая линейность капиталистического накопительства и обоснованная Бодрийяром, относится к первому из этих типов. Предельной формой такой цикличности, однако, является бред навязчивых идей шизоидной личности, который, по мысли Фрейда, выражает циклическое время влечения к смерти.

Модерн, по существу, симулировал историю, т.к. выстроил на останках старого здания Европы XVII века новое здание – общество массового потребления, которое осуществляет обновление своего бытия за счет вещей – симулякров реальности. Европейское общество идет на обман, пытаясь опередить тотальное (объективное) время, покупая и собирая антиквариат, коллекционируя вещи, родословные, постоянно возвращаясь к своим, теперь уже мнимым, корням. Действительно, архетипическая по глубине сила вещей, символов возникает не от историчности каждого из них по отдельности, и время символическое отличается от реального времени не этим. Организация симулякров – вещей подменяет собой время. Вероятно, в этом и заключается главная функция коллекции – заключить реальное время в рамки определенной систематики. Систематизируя время в форме фиксированных, допускающих любое перемещение и движение элементов, коллекция представляет собой вечное возобновление одного и того же управляемого цикла, где человеку гарантируется возможность в любой момент, начиная с любого элемента и в точной уверенности, что к нему можно будет вернуться назад, поиграть в свое рождение и смерть.

Другой попыткой отменить, заколдовать время, подменить его исключительно пространственным (обратимым, «допускающим обратное движение») перемещением, которое лишь символизирует необратимое биографическое (рождение, становление, смерть) время человека, является стремление к бессмертию, выражающееся в биотехнологиях, криогеники, омолаживания, в явлении фитнеса, моды и т.д. Человек как бы дает себе отсрочку от смерти. Это выглядит примерно так же, как «старинные» предметы в коллекции сами по себе обозначают или симулируют (т.е. замещают) время историческое. Возраст человека оказывается местом разрыва и одновременно симулякром, с которым производятся манипуляции. Бодрийяр связывает темпоральность «отсрочки» с возникновением и осуществлением власти: «Все инстанции подавления и контроля утверждаются в пространстве разрыва, в момент зависания между жизнью и ее концом, то есть в момент выработки совершенно фантастической, искусственной темпоральности».⁴

«Отсроченность» как темпоральность симуляции обнаруживается в следующих социальных проявлениях. Во-первых, коллекция всегда должна ос-

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 273.

таваться принципиально незавершенной, в ней обязательно должно недоставать какого-то предмета, и этот последний, завершающий штрих (символизирующий собой конец, а значит – смерть коллекции), все время является отсроченным. Во-вторых, феномен запаздывания серийных вещей по сравнению с модным образцом: индустриально произведенная серия располагается не в актуальной сиюминутности (сиюминутность обращена в будущее и представляет собой авангард), но и не в давнем прошлом, составляющем исключительную принадлежность историческим корням, ее временем является «ближайшее» прошлое. Это прошлое, которое, по сути, определяется лишь своим временным отставанием от настоящего; это та темпоральность, где находится вчерашний день. Таким образом, большинство людей живут не в своем времени, но во времени обобщенно-незначимом. Это время еще не современности и уже не старины, и ему, вероятно, никогда и не стать стариной; серия по отношению к модели представляет собой утрату времени в его реальном измерении; она принадлежит некоему пустому сектору повседневности, к негативной темпоральности, которая механически питается отбросами моделей.⁵ Серийная вещь застряла на полпути между реальностью и идеалом: реальность в ней уже отчуждена от себя самой, уже захвачена чуждым ей смыслом (ориентацией на опережающую ее модель), но никогда не сможет достичь идеала самой этой модели.

У «невещественного» симулякра нет и не может быть материального тела, и для него позади остается уже его идеал, от которого он оторвался и который он стремится догнать. Кажущаяся линейной темпоральность симулякров свертывается в цикл на уровне этих символических подобий, захваченных бесконечным повторением. Ситуация безнадежной погони здесь усугубляется, так как это погоня за собой, за собственной тенью-моделью. В результате получается парадоксальная ситуация, которую Бодрийяр обозначил как «прецессию симулякров» – предшествование подобий собственным образцам: сначала мы обращаем внимание на симуляцию, принимая ее за настоящий оригинал, а затем пытаемся найти ее корни, которых нет и быть не может.

Диалектика процессов заменяется потенциализацией. Потенциализация принципиально отличается от диалектики: процесс развития современного общества при всей его конфликтности идет «уже не диалектически, а катастрофически», таким образом, движение происходит не революционно вперед, а по спирали. «Катастрофический» ход событий – исключительно временное, а не логическое их развитие: в нем нет непрерывности, не происходит диалектического «снятия» (как предполагал Г. В.Ф. Гегель), так как отсутствует идентичность того, что развивается.

Процесс возникновения и развития симулятивной реальности в своих механизмах совпадает с процессом мифологизации. Как будто мы вновь возвращаемся к архаическим мифологическим временам, где нет начала и конца, где все предопределено, а нарушение установленного порядка означает катастрофу для всей системы. Бодрийяр предлагает апробировать метод ремифологизации, который использует Р. Барт в своих «Мифологиях». Возможно, лучшее оружие против мифа – создать искусственный миф; та-

⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 149.

кой реконструированный миф как раз и оказался бы истинной мифологией. Если миф — похититель оригинала, то почему бы не похитить сам миф? Для этого лишь нужно сделать его исходным пунктом третичной семиологической цепи (первичная — естественный язык, вторичная — культура), превратить его значение в первый элемент вторичного мифа.

Бодрийяр рассматривает идею «превзойти систему в симуляции», то есть построить из социально наличных симулякров свои собственные, творческие и субверсивные: симулякрам третьего порядка следует противопоставлять как минимум столь же сложную игру. Может быть, изобретать симулякры логически (или алогически) высшего порядка, более высокого, чем нынешний третий, выше всякой предопределенности и неопределенности — но будут ли это еще симулякры? На более высоком уровне, чем код, пожалуй, оказывается одна лишь смерть.⁶

В игре надстраивающихся друг над другом знаков — подобий («гиперреальности», «трансполитики», гипертекста, виртуальной реальности и т.д.) система симулякров в конечном счете всегда опережает своих критиков, и сколько они ни пытаются переиграть и низвергнуть его, их «революция» отстает на одну войну от способа репрессии», — то есть при подобных попытках борьбы с симулякрами третьего порядка фактически воспроизводится, с запозданием на одну фазу, типичная темпоральность симулякров второго порядка, т.е. серийное их производство.

Логика существования симулятивной реальности делает неприменимой еще одну темпоральную схему, связанную с диалектической логикой, — эсхатологию. Бодрийяр понимает насущную необходимость апокалиптических мечтаний для человеческого сознания: в то время как официальная церковь «живет отложенной вечностью», в народных верованиях всегда присутствует противоположное устремление: «Первоначально толпы христиан не верили в посмертный рай или ад; по их воззрениям предполагалось разрешить смерть коллективной волей к немедленной вечности».⁷ Но преодоление времени и истории, зафиксированное в эсхатологических мифах и ожиданиях, совершается системой симулякров на их собственный лад: они подменяют настоящее историческое развитие символикой конца, предлагая новую вечность и бессмертие. Система симулякров одерживает полную победу над реальным миром, поскольку она сумела навязать этому миру свое время симулякров, свои модели темпоральности.

Новый подход, предложенный Ж. Бодрийяром, может быть востребован при анализе проекта европейского модерна, началом которого являются две даты: 1789 год — время радикального поворота к современности, или 1840 — момент самообоснования проекта. Выделяются две противоположные концепции — Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса. Если следовать за Лиотаром, то придется признать, что модерн и вообще проект Просвещения исчерпали себя, а середина XX века — время постмодерна. Ю. Хабермас под модерном подразумевал некоторое развитие Европы вообще, таким образом, проект модерна не окончен и не может быть завершен в принципе. В таком случае проект модерна не мог быть завершен по одной лишь причине — этот проект симулятивен.

⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 45.

⁷ Там же. С. 259.

Понятие модерна включало: мобилизацию всех ресурсов, повышение эффективности их использования, формирование национальных идентичностей и одновременно оформление единой политической власти, урбанизация, формализация образования и т.д. Эта модель оказывается отдалена от своего мнимого теперь уже истока — европейского Просвещения. Сам модерн из конечной цели превращается в процесс «осовременивания» и в этом смысле не имеет логического окончания. Ю. Хабермас вспоминает слова А. Гегеля о том, что предпосылки Просвещения мертвы, живы только его последствия.⁸

В основе европейского модерна лежала идея прогресса, выраженная в работах Гегеля, как линейного, устремленного из прошлого в будущее, от простого к сложному, от низшего к высшему. При этом высшей ступенью логично рассматривалась европейская цивилизация. Показателем прогресса должно было стать усовершенствование материального производства.

Как показывает Ю. Хабермас, с самого начала модерн представлял собой некое соотношенное с европейской историей понятие. Новое время начало означать действительно кардинально новый этап европейской цивилизации, которая осознает свое положение в мировом пространстве как центральное, образцовое и «модерновое». Рассматривая свое время как отличное от предыдущего, классическая немецкая философия обозначает новое время как грядущее «вот-вот» будущее. Возникает беспокойство об уходящем, утекающем сквозь пальцы времени, которого почти не остается для решения проблем в настоящем. Появляется мысль об ускорении всех процессов. Время как категория обретает самостоятельную и довольно значительную власть над людьми. Теперь темпоральность ассоциируется с революционностью преобразований, но вместе с тем теряется новизна событий. Что бы ни происходило, люди уже ожидают этого. Современность занимается тем, что актуализирует будущее, превращает его в настоящее. Развитие предполагает разворачивание, имеющее некую протяженность во времени. Становление ограничено временем, еще не случившись, явление уже «стало». Таким образом, будущего нет, оно превращается в становление.

Исходным пунктом модерна становится актуальность, которая поглощает себя, освобождается от традиций и остатков переходного и новейшего времени, складывавшихся десятилетиями, и конструируется в центре модерна. Актуальному настоящему, современности непозволительно искать самосознание в оппозиции к отвергнутой и преодоленной эпохе, к форме прошлого. Актуальность может конституировать себя только лишь как точка пересечения времени и вечности.⁹ Отсюда — неоднозначность трактовки времени, одновременного ощущения убегания и скорого конца. Вальтер Беньямин образует понятие времени «сейчас», куда вкраплены осколки мессианского, или завершенного, времени с помощью тончайшего мотива подражания.¹⁰

Вторым принципом модерна является субъективность, представлявшей собой освобожденное «Я». Субъективность подтверждается индивидуализмом, правом на критику, автономностью осуществления, идеализмом. Ориентация нового времени на будущее основывалась на разрушении крестьянско-

⁸ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. С. 9.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 15.

ремесленного жизненного мира и разворота в сторону промышленного, урбанизированного производства.

Третий принцип модерна – революционность, которая принимает форму катастрофичности.

Наконец, еще одним принципом является разумность. Разум является высшей инстанцией, которая определяет законность и действительность. Разум сопряжен с требованием реальности. Модерн артикулирует отказ от иллюзии, но незаметно для себя самого превращает иллюзию в симуляцию.

Таким образом, исторический модерн осуществляется одновременно с современным симулятивным. Ориентация на идею прогресса, лежащего в основе идеологии Просвещения, способствовала трансформации старых эсхатологических ожиданий в утопию. Будущее из неопределенного превращается в своеобразную норму, стирая чувство новизны, которая перемещается к началу. Настоящее, современность как бы замирает, превращается в уникальность. Даже в структуре, свернутой до экзистенциала историчности, все еще можно отчетливо опознать одно: открытый к будущему горизонт ожиданий, определенных современностью, управляет нашим доступом к прошлому. Благодаря тому, что мы усваиваем прошлый опыт, ориентируясь на будущее, аутентичная современность сохраняется как почка, где продолжают традиции и, главное, берут начало инновации.¹¹

Однако взгляд, ориентированный на будущее, всякий раз направляется из настоящего в прошлое, которое как предыстория связано с нашей современностью цепью общей сквозной судьбы. Для такого сознания конститутивны два момента: один – это действительно-историческая связь в непрерывном ряду совершающегося предания, связь, в которую внедрено также и революционное действие; другой – доминирование горизонта ожидания над требующим усвоения потенциалом исторического опыта.¹²

Идея об обществе всеобщего благосостояния в общем осуществилась, и европейская общественная мысль начала прощаться с модерном. Разум расходится со своим детищем, обнаруживая желание властвовать в том числе и над временем. Теперь уже проект модерна оказывается мифом, но не новым, как это анализирует Р. Барт, а симулякр модерна, его абстрактной копией. Символом без референта, ибо с чем соотносить модернизацию, с какой исходной точкой?

Россия определяет свое положение в мировом пространстве с помощью темпорального регистра модернизации, взяв за отправную точку опыт европейского модерна. Правда, у этого проекта нет времени, чтобы обращаться и анализировать свои истоки, проще и экономнее взять за образец уже случившееся, т.е. себя самого. Этот образец – актуальность, «сейчас». Европейский модерн заменил концепты Просвещения на их симулякры, не имеющие референции с реальностью:

свобода обернулась тотальностью отчуждения;

продуктивность – репродуктивностью системы симулякров;

¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир. С. 24.

¹² Там же. С. 25.

признание свободы исторического и национального самоопределения – попыткой установить господство, вписав различия культур в единый исторический процесс;

эсхатологическое ожидание «светлого будущего» – симуляцией жизни;

социальные связи – коммуникативными и языковыми играми;

реальность – виртуальной (симулятивной) реальностью.

Поскольку отправной точкой европейской модернизации является актуальность и актуализация, то для России модернизация представляет собой уже не реальный процесс, а его симулякр, который под внешним сходством с реальным явлением содержит только различие. Модернизация, следовательно, не может восприниматься как некая модель, образец для последующей трансформации. России пора отказаться от категории модели применительно к модернизации, нет и не может быть образца, относительно которого российская цивилизация может определять направление своего развития.

Модерн сопряжен с другим, не менее абстрактным понятием прогресса. При этом прогресс сегодня подразумевает некий обман, где странным образом человек обращается к будущему (непредсказуемому) для решения современных ему задач. Так, в XIX веке европейцу казалось, что прогресс необратим, и мир напоминает мчащийся локомотив. Но локомотив превратился в образ головокружительной, истолкованной как прогресс мобилизации всех жизненных ощущений. Обнаружилось, что локомотив европейской модернизации мчался по концентрическим кругам. Для России по-прежнему образ локомотива является актуальным.

По сути, модернизация – это попытка овладеть временем, некая процедура, при которой время контролируется человеком и обретает качество, характерное для космического, мифологического времени. Поэтому выглядит логичным восстановление архаических базовых оппозиций. Одна из важнейших бинарных оппозиций – Космос и Хаос. Космос представляет в мифологическом сознании целостную и гармоничную структуру, порядок, модель, ряд статичных элементов. Хаос – первичное бесформенное состояние, это одновременно всепорождающее и всепоглощающее начало, воплощенная динамика. С указанными концептами соотносятся динамичное время и статичное пространство. Таким образом, в мифологическом представлении пространственно-временная структура мира мыслилась как Космос – Хаос. При этом хаотичные элементы вносятся в Космос для придания ему динамики. Темпоральная характеристика мифологического мира представляла собой некий цикл, в котором Хаос вводится как необходимый элемент и затем уничтожается.

В тезаурусе русской культуры время представлено по отношению к человеку и в ориентации на «объективное» время. Первый вариант выражен словами «путь человека», во втором случае мы имеем дело с «потокм времени». Путь человека представляет собой не просто пространственное перемещение, но его судьбу, наполненную событиями. Жизнь описывается в категориях времени: от «чудного мгновения» до смертного часа. Категория часа связана с понятием испытания, судьбоносностью. День – вторая по значимости темпоральная категория, не зависит от человеческой деятельности. Это – достояние архаики, где прощание с днем представляет прощание с этим миром, в то время как час ассоциируется со встречей в мире ином.

Смена циклической модели существования мира в вечности линейной означало наделение временными характеристиками пространства и наоборот, время представляло собой череду свершений и событий и обрело необратимость и субъективные оценочные характеристики. Появление часа, а затем минуты и секунды открыло возможность описания времени и одновременно его овеществления. Час отсчитывает жизненный счет и подводит итог: время — деньги; делу — время, потехе — час. Время оказалось как будто схваченным человеком, но одновременно человек оказался привязанным ко времени. От него скрыто будущее, которое пространственно находится за спиной, куда не достигает взгляд человека. Он может охватить небольшой кусочек будущего там, где оно смыкается с прошлым и настоящим, проходящим как бы перед глазами.

Новое время — момент, где исчезает, по сути, членение на прошлое, настоящее и будущее. Нет сомнения в том, что это новое время состоит в оппозиции к прошлому, поскольку «завтра будет лучше, чем вчера». С этого момента человек, который ранее был повернут спиной к неизвестному будущему, теперь призван воочию убедиться в том, как настоящее становится будущим. Одновременно с указанными характеристиками усиливается парадигма эсхатологии, т.е. идея возможности, желательности и даже целенаправленности конца. Эсхатология упорядочивала жизнь человека и придавала ей цель, в христианской догматике лежащую за пределами самой человеческой жизни, в новоевропейском и современном российском формате — в пределах одного поколения. Возникает соблазн увидеть «конец времен», а, следовательно, попытаться вмешаться для ускорения процесса.

Симулятивное мышление, как и мифологическое, заинтересовано прежде всего в познании начал мира, т.к. цикличность процессов означает тождественность начала и конца. Зная начало, легко управлять и трансформировать настоящее. Возвращение к корням одновременно возвращает к Хаосу, предыстории, своеобразному всеединству, откуда можно контролировать развитие не только личностное, но и цивилизационное. С другой стороны, поиск корней, истоков освобождает от осознания времени и цикличности, достигнув главной цели человека — свободы и вечности. Современность оказывается на границе между прошлым и тем, что вскоре станет им. Таким образом, российский модерн — это время зарождения, постоянный возврат в мифологическую точку начала времен, чтобы проверить правильность выбранного пути. Противопоставление себя прошлому приводит к обратному результату — конструированию точки отсчета. Но если есть начало, то где же конец времени?

Время российской модернизации проявляется как время кризиса; современность тяготит бремя выбора. Речь идет о выборе решения — найти новое начало для вакуума будущего, которое представляется как поток нерешенных проблем. Возникает острое осознание опасности опоздать, упустить возможности, необходимости вмешаться и контролировать процесс. Возвращение к истокам мыслится как движение к будущему. Конец — это знак другого начала. Поиск начала — это поиск точки отсчета, откуда рождается новый мир, это движение из Хаоса в Космос. Модернизация превращается в мифологию. Необходимость предотвратить дезинтеграцию России приводит к ремифологизации с целью остановить кризис и распад, обосновывая

возврат времени. Как будто если мы будем знать начало, мы сможем предотвратить ошибки европейской модернизации, обойти подводные камни. Следует отметить, что возврат в безвременье предполагает обращение к личной памяти, а не к чужой, поэтому предполагаемая модель европейской модернизации не может ни в коем случае представляться нашей памятью. Такой поиск корней приведет Россию лишь к очередной симуляции.

Выбор будущего сопряжен с некоторыми жертвами, отказом от собственной идентичности ради отдаленной цели. В этом жертвоприношении укоренен момент обмана, где люди в поисках спасения от мстительных (божественных) сил откупаются, предлагая обретающие символическую ценность заменители.¹³ Этот слой мифа раскрывает двойственность позиции сознания, исходя из которой, ритуальная практика модернизации является одновременно и реальностью, и видимостью.

Типичными чертами современной цивилизации являются: замена реальности симулятивной реальностью, появление людей, претендующих на создание и распространение симулякров, наконец, все увеличивающиеся возможности для манипуляции сознанием, т.к. симулякры отсылают к архетипическим мифологическим символам и образам, создавая тем самым иллюзию новых мифологий.

Сращивание виртуальной и симулятивной реальности приводит к опасному для идентичности человека расщеплению его сознания прежде всего в темпоральном регистре. Субъект сращивается с симулякром, что приводит к появлению шизофренической личности, для которой свойственен эффект двойного присутствия. Мир постиндустриального общества превращается в тотальную симуляцию, где первую скрипку играют масс-медиа.

Современная действительность вырабатывает вполне самостоятельные системы симулякров, из которых образуется среда человека. Современное понимание симулякра предполагает не вырожденную копию (как у Ж. Бодрийяра), а такую форму, в которой отрицается оригинал и копия, модель и ее воспроизводство. Принципиально невозможно воссоздать из симулякра оригинал, т.к. в итоге будет создана еще одна симулятивная система. Из этого следует, что не существует единого исторического пути развития. Единственное, что связывает миры – это коммуникация.

Симулякр модернизации россиянину близок и понятен. Сочетая элементы современности и архаику, она отвечает нашим подсознательным желаниям. В современной России нет препятствий для виртуализации и симуляции. Но есть ряд проблем, которые необходимо осмыслить:

Обращение к опыту симулятивного проекта модерна влечет за собой создание симулякра симулякра, следовательно, проблемы, реально стоящие перед нашим обществом, решены не будут.

Симуляция через систему коммуникаций усиливает возможность манипуляций, которые уже сейчас воспроизводят тотальные практики.

Свойственная симулякрам стандартная форма деиндивидуализирует человека. Реальная угроза – превратиться в некую колонию западной цивилизации.

¹³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 119.